

Николай Семенович Лесков

Сборник статей

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Николай Семенович Лесков

Сборник статей / Николай Семенович Лесков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 94 с.

ISBN 978-5-4241-2305-4

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "стороны". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2305-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Николай Семенович Лесков
Сборник статей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 28-го ЯНВАРЯ

Московские старообрядцы ходатайствуют у правительства о дозволении им открыть у себя школы. Дело идет об учреждении школ исключительно для детей старообрядцев, родители которых находят неудобным вверять обучение своих детей учителям, назначаемым начальством, а хотят иметь учителями людей излюбленных и избранных к тому обществом.

«Московские ведомости», впервые заявившие об этом местном московском событии, обобщают этот факт с общим вопросом о расколыническом образовании и, обсуждая этот вопрос с разных точек зрения, заключают свою статью предложением, что возникающий вследствие приведенного ходатайства москвичей вопрос вскоре получит разрешение, которым удовлетворится скромное искательство старообрядцев. Мы с своей стороны также желали бы верить, что ведомство, от которого будет зависеть решение этого дела, не откажет московским старообрядцам в их нынешнем ходатайстве, а разрешением этого случая разрешен будет и вообще вопрос о расколынических школах. Но мы поостережемся, однако, предрешать результат, который ждет возникший интересный вопрос. Мы знаем, что и так называемый «дух времени», и скромность, и законность ходатайства, и характер отношений правительства к расколу, — все это дает право питать те надежды, которые выражены «Московскими ведомостями», но... мы помним, как вопрос этот поднимался в прежние годы... В 1862 и 1863 году дух времени был тот же, или, по крайней мере, почти тот же; заявленные тогда требования раскола были так же скромны и умеренны, как и нынешние, а правительство и тогда так же, как и ныне, было проникнуто характером веротерпимой мягкости, и... несмотря на все это, старообрядцы, просившие позволения учредить школы для своих детей, не получили этого дозволения.

Разрешение вопроса: быть или не быть в России отдельным старообрядческим школам? — не зависит от одного какого-нибудь правительственного ведомства, а зависит разом от трех: от ведомства просвещения, от администрации и от власти духовной, голос которой до сих пор в делах этого рода имел важное значение. Учебное ведомство никогда не волило против существования отдельных приходских школ для старообрядческих детей; напротив, даже очень многие люди этого ведомства отстаивали эти школы. Администраторы последнего времени тоже не высказывались против школ, а, напротив, и из них также очень многие говорили, что такие школы нужны, и за всем тем вопрос о школах все-таки претыкался перед дверьми последнего из трех ведомств.

Искание расколыниками школ возникает не впервые, и даже в последнее время не москвичам первым принадлежит почин в ходатайстве открыть школу. Почин в этом деле гораздо раньше принадлежал рижанам и вообще старообрядцам северо-западных окраин России. Впрочем, не Рига и не Дерпт, о которых нечего и говорить, а села и приселки простирали свои «слезные прошения дозволить поучить детей грамоте, не смущая совести родительской веры»; люди учебного ведомства того края говорили, что надо это дозволить, администраторы склонились к тому же; два чиновника прибалтийского генерал-губернатора: граф Соллогуб и Шмидт, представили отдельные записки о необходимости отдельных школ для раскола; а заменивший князя Суворова генерал-губернатор барон Ливен

сам писал министру народного просвещения, что отдельные школы, в которых дети старообрядцев могли бы учиться, не смешиваясь с православными, необходимы. Министр народного просвещения посыпал в Остзейский край литератора, знакомого с бытом раскола и его литературою, и этот в отчете своем министру доказывал то же самое, именно, что отдельные школы для раскольничих детей необходимы, и представил проект преподавания в этих школах; но... дальше этого дела опять не дошло.

Как и обо что постоянно спотыкался этот вопрос, столь важный для многочисленного старообрядческого населения России и вообще для всего экономического быта страны? Это составляет целую историю, сколько интересную, столько же и назидательную. Чтобы познакомить наших читателей с ходом этого дела, мы с сегодняшнего же номера начинаем печатать в нашей газете документальное изложение событий, касающихся закрытия наилучшей из бывших раскольничих школ со всеми печальными последствиями этого события, в ряду коих будут иметь место и несчастливые ходатайства старообрядцев о восстановлении их общественных школ, и соображения по этому делу различных лиц и ведомств. Представив читателям наглядную картину, как и через кого идет и должен идти снова этот вопрос, где и на чем он останавливается и с какого пункта идет в сторону, мы изложим тогда и наше мнение о школах, которые расколу столь необходимы и которых он так давно, так жалостно и так несчастливо просит. Заключение наше в то же время будет выводом не только из собственных соображений, но и из заключений компетентных людей, с любовию и знанием трудившихся над разрешением этого вопроса. Начиная печатать очерки «Искания школ староверами», мы отсылаем к ним всех наших читателей. Из этих документальных статей они увидят все пути и дороги, на которые в самое недавнее, по-видимому, столь гуманное и столь просвещенное время выходил русский раскол прося себе позволения «поучить детей, не смущая своей совести».

Нынче же скажем пока только, что вопрос о дозволении раскольникам учредить для своих детей школы, отдельные от православных, представляется нам одним из настоятельнейших вопросов. Этого жаждет население; этого требуют экономические выгоды страны, и этого же требуют высшие государственные и церковные интересы. На окраинах России, где раскольникам не позволяют иметь собственных школ, людям этим, вообще тяготящимся безграмотностию, предстоит выбирать или между насилием своей совести и посыпать детей своих в заведения, где священник господствующей церкви будет внушать этим детям правила, отвергаемые семью, или между учением у шведов, поляков и немцев, которые относятся к верованиям раскольников гораздо индифферентнее. Раскольники обыкновенно предпочитают последнее, и дети их, нимало не смущая родительской совести, обучаются в немецких пансионах, из которых зато и выходят полунемцами. Таким образом, пока одна беднейшая половина раскола, не имея своих школ, все глубже и глубже погружается в мрак невежества, другая часть людей зажиточных, воспитанных в немецких школах, начинает стыдиться своего русского происхождения. Рига, Ревель и Митава представляют уже немало таких печальных примеров. Корень всех этих явлений, которые могут иметь весьма нерадостные следствия, кроется в отсутствии русских школ, в которых дети староверов могли бы обучаться, не смущая родительской совести.

Было время, когда в планы правительства входило: игнорировать раскол, показывать вид, что его нет; но то время прошло, и опытом дознано, что это закрывание глаз ни к чему не ведет. Раскол существует, это факт, которого не скроешь; но раскол этот вовсе — не враждебная правительству партия, как старались когда-то представить плохие знатоки раскола. Раскол разномыслит с людьми господствующей церкви только религиозно и затем солидарен с ними во всех других отношениях. Надо же, признав факт существования раскола и солидарности раскольников со всеми русскими людьми, признать за раскольниками и право уважать свои убеждения. Верны ли они, или неверны, — это другой вопрос, но они есть, и с ними, как со всякими убеждениями, нужно бороться не силою, а тоже убеждением, предоставив многое ныне уже начатое довершить времени. Надо дозволить раскольникам учредить свои собственные начальные школы или в общих приходских школах освободить их детей от уроков по закону Божию, читаемых православным. По нашему мнению, первое несравненно удобнее, ибо у раскольников есть свои книжечки, которых они оставить не захотят. Отдельные школы для сектантов, по нашему мнению, не угрожают ничем неблагоприятным для государства и церкви. Имеют же на нашей земле свои школы ревельские и сарептские гернгутеры, — такие же раскольники, с единственном привилегио немецкого происхождения, и ничего от этого не рушится. Затем, если разрешены будут отдельные школы, будет необходимо в училищах уездных, гимназиях и университетах дозволить раскольникам пользоваться правом, предоставленным в этих заведениях татарам и евреям, от которых не требуется богословских экзаменов. Пусть только раскольники будут допущены к свету науки, то она рассеет всю густившуюся над ними тьму заблуждения. Этого требует все: любовь к человечеству, уважение к истине, всесторонние выгоды государства и время, в которое должен разрешиться этот вопрос, когда в руках одного лица соединены обязанности министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода. Раскол очевидно стремится к свету, и, что бы он сам об этом ни думал, это непременно шаг к соединению его с господствующею церковью. Движение это очень сильно и уже приносит свои плоды: примеры Павла Пруссского и многих других умнейших людей из враждовавшего с церковью старообрядства не пройдут бесследно; раскол волею-неволей входит на путь соединения, и этому соединению надо помогать, не преследованием, не лишением раскольничих детей возможности учиться и не насильственным привлечением к православию, а спокойным и благоразумным освобождением раскольников от худо ценимых ими попечений церкви. Освобождая раскол от своих попечений, церковь привлечет его к себе, а не потеряет. Это будет не повторство, а мудрая уступка, которая возвысит положение церкви и непременно рано или поздно путем света и истины приведет к ней ее разномысленных сынов. Заключим тем, что нынешний вопрос о начальных школах, вероятно, представится разрешимым без всяких затруднений, если только прежде, чем приступить к его рассмотрению, будет признано удобным сравнять русских раскольников с гернгутерами и вообще с иноверцами, дети которых, обучаясь в училищах, свободны от представления всяких ручательств в религиозных познаниях. Эта безвредная уступка заблуждениям разномыслиящих с церковью русских людей необходима. Пусть правейший, но сильнейший уступит слабейшему, как взрослый человек уступает ребенку, чтобы тот, увидя свою ошибку, лучше понял вред

и неуместность упрямства. Уступка со стороны церкви не унизит, а возвысит ее в глазах всего просвещенного мира и, всеконечно, в самом же непродолжительном времени будет первым прочным шагом к примирению раскола с церковью. Мир основан на взаимных уступках: и православной церкви, свято сохраниющей истину Христову, нечего опасаться просвещения и образования заблудших; если единения с нею ищут западные христиане, дошедшие до признания ее превосходства длинным путем науки, то этот последний путь будет гораздо короче для ее все-таки более близких отщепенцев.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 1-го ФЕВРАЛЯ

Года два назад моршанский купец Максим Плотицын в один раз потерпел на сале в Лондоне убытку до 700 000 р., если не ошибаемся. Тогда громадная цифра многих заставила думать, что Плотицын оборвался окончательно, что он более не торговец, что ему не встать на ноги. Опасения насчет Плотицына, к непостижимому удивлению торговых людей, оказались, однако, напрасными: 700 000 р. убытку нимало не пошатнули состояния Плотицына. Тайна, откуда Плотицын мог заимствовать силы для перенесения такого громадного убытка, теперь открылась. Корреспонденция из Моршанска, помещенная в последнем номере «Современных известий», которую мы здесь воспроизводим, сообщает поразительные открытия об источнике богатств купца Плотицына и об отношении его к скопческой секте у нас в России, а равно и о политических планах этой секты. Корреспондент пишет:

«Самая крупная новость в Тамбовской губернии — это комиссия о скопцах. Моршанский первостатейный купец и миллионер Максим Кузьмин Плотицын, глава скопческой секты не только в Тамбовской губернии, но и по всей России, арестован, в доме его взято 9 женщин, изуверски изрезанных, скопческие портреты в золотых рамках: Селиванова, Шилова, Петра III, богородицы Анны Сафоновны и пр. С портретов сих сняты фотографические снимки и посланы в С.-Петербург. Все это неимоверной важности дело обязано своими успехами неподкупной деятельности губернатора Гартина, вице-губернатора Абазы и в особенности моршанского полициймейстера Иосифа Алексеевича Тришатного. В доме всероссийского главы скопцов найдены, сверх того, при обыске из четырех кладовых в последней, потаенной, груды золота, десятки пудов в сундуках, особенно екатерининского чекана. Целые миллионы золота и серебра найдены за железными дверьми под плитами, сваленные в сундуках и кадушках в кучу, в мешках полуистлевших; кроме того, не один миллион банковых билетов. Счетом денег неизвестно сколько; но говорят, что одних билетов коммерческого банка сто, по сто тысяч каждый, следовательно, 10 миллионов, и что хранившийся в таких тайниках капитал есть общественный скопческий, хотя, может быть, и не всей России; во всяком случае, это капитал организованный, которым скопцы связывали не раз и связывают руки правительству... В доме Плотицына и на дворе теперь караул, бумаги и переписка его со скопцами Сибири и Петербурга конфискованы. Известный миллионер, петербургский скопец Ермолай Егоров Третьяков, замешан в это же дело по переписке и едва лично не был задержан недавно в Моршанске. Дело такой важности, конечно, должно обратить внимание высших государственных сфер... Груды золота берегутся скопцами для нового в России царства, которое должно ниспревергнуть нынешний порядок вещей и начать новую скопческую эру в России... Понятно, что на этот несметный капитал (говорят, десятки миллионов) должно быть обращено внимание правительства. Для дальнейшего направления дела такой важности, по нашему мнению, может быть, небесполезно было бы отрядить в Моршанск лицо высших сфер, облеченнное особым личным доверием... Иначе все может быть! Скопческих дел, кончившихся ничем, было уже немало, и часто открыватели страдали. Одни дела московских миллионеров скопцов, доселе благополучно проживаю-

щих в Москве, как много говорят за себя? Открыли также связь моршанского скопчества с революционною польскою партиею, во главе коей значится Окша (Оржеховский) в Константинополе, замышляющий организовать восстание между скопцами, выдвигая на первый план личность Петра III, входящего в баснословие скопческой секты. С этой целью в губернии Московскую, Тамбовскую, Курскую, Симбирскую и Воронежскую отправлены 9 эмиссаров с воззваниями под предводительством Александра Крыловского, имеющего, по сведениям, значительные средства.

Дома Плотицына в Моршанске составляют целый квартал — это лабиринт с забитыми и заложенными наглухо окнами. Моршанск есть, как известно, Иерусалим, а село Сосновка — Мекка скопцов, где родились знаменитые ересиархи скопческие... Моршанские скопцы Зенкин, Попов, Сергеев и знаменитый Кунавин обратили уже на себя внимание комиссии. Поднято дело о содержащемся в камышенском тюремном замке (Сарат. губ.) купеческом сыне Григории Максимовиче Плотицыне. В доме Максима Плотицына найдено, как мы уже сказали, 9 женщин с вырезанными органами, и девятая из них даже сестра его, почетная гражданка Татьяна Егорова; на изрезанных грудях оказались рубцы, прикаленные железом... Под новый год 1869 в 111/2, час. ночи, в квартиру штабс-капитана Шкота, где был и моршанский полицмейстер Тришатный, явился крестьянин Григорий Максимов Зеляпухин, находившийся в услугении у Плотицына, и принес при записке Тришатному 10 000 руб., в огромном пакете ассигнаций, с просьбой освободить только до утра для них (вероятно, для скопческого богослужения) из-под ареста трех женщин: Катерину Степанову, Екатерину Яковлеву и Марфу Филиппову. Записка была писана рукою Максима Кузьмина Плотицына. Тришатный, спрятав гостей за драпировку, в их присутствии получил деньги от посланного, составил обо всем акт и деньги 10 000 р. тут же передал городскому голове Ивану Иванову Ефремову под расписку для внесения в отделение государственного банка на хранение, впредь до распоряжения начальства. Если за несколько часов освобождения трех женщин скопцы могут платить 10 000 руб., стало быть, для них деньги просто вода. Селиванов на портрете, найденном у Плотицына, нарисован стариком в темнозеленом халате, с черной сорбьею опушкою, с белым галстуком на шее, повязанным большим бантом, облокотившись правою рукою на красный стол. Анна Сафонова, скопческая бого родица, изображена в богатом русском кокошнике с дорогими камнями, в каком то омофоре, — вроде нашего архиерейского, — на плечах тоже с камнями и в богатом сарафане. Лицо мужичье и довольно глупо. Эта Анна Сафонова есть дочь первоскопленного Сафона Попова, жившая еще в 1847 году в звании моршанской мещанки в городе Моршанске, в доме тамошнего мещанина Артемия Евсеева Познякова, известного скопца. Максим Плотицын находился с Позняковым в близких сношениях, так что самая усадьба Познякова, после смерти его, перешла к Плотицыну. Шилов Алек^{сандр} Ив^{анович}, пророк и предтеча скопческий, изображен седьмым стариком в купеческом сюртуке. Петербургский скопец, 2-й гильдии купец Ермолай Егоров Третьяков извещал (как оказалось из найденных бумаг) Максима Плотицына обо всех делах, касающихся скопцов в России (?), и, между прочим, в письме предупреждал уже из Петербурга о предположенном в его домах обыске... Найдены, как говорят за достоверное, письма из Петербурга для одного господина, занимающего видное место на

службе. Этот господин принимал, как оказалось из писем, на себя ревностные хлопоты в Петербурге по многим скопческим делам Плотицына. Изрезанными оказались следующие женщины: 1) моршанская почетная гражданка Татьяна Егорова Плотицына, 2) крестьянка Екатерина Яковleva Глинчикова, 3) мещанка Екатерина Степанова Глинчикова, 4) мещанка Акулина Егорова Попова, 5) мещанка Ирина Федорова Неверова, 6) мещанка Акулина Михайлова Зеляпушкина, 7) крестьянка Марья Алексеевна Шепелева, 8) крестьянка Аксинья Максимова Зеляпушкина и 9) крестьянка Марья Филиппова Попова. Вся Тамбовская губерния встревожена открытиями, и все желают одного, чтобы дело это, как соляное дело в Нижнем Новгороде, судилось новым судом. Об этом, как слышно, уступая общественному мнению, хлопочет и сам тамбовский губернатор. Моршансское скопчество тесно связано с московским. Желательно бы знать, что делают изувверы эти в Москве, митрополии скопческой, где целые улицы ими населены».

Мы не имеем оснований ни защищать, ни отвергать полную достоверность подробностей, заключающихся в приведенной нами из «Современных известий» корреспонденции. Но если они справедливы, то арест Плотицына, о котором мы извещали во вчерашнем номере, имеет громадное значение. Оказывается, что глава скопческой секты в России, которым был арестованный Плотицын, имел в своем ведении и, может быть, в довольно бесконтрольном распоряжении десятки миллионов рублей в банковых билетах и в золоте и серебре, при которых убыток в 700 000 рублей мог быть для него нечувствителен; оказывается, что капитал этот образуется с давнего времени, потому что много здесь золота екатерининского чекана и потому что мешки успели уже полуистечь; оказывается, что секта скопцов имела у нас в России свой особый тайный банк с основным капиталом, большим всех других банков, исключая государственного, — имела свое тайное казначейство, и, без сомнения, с тайными же приходами и расходами; оказывается, что противонравственная, противообщественная секта скопцов далеко не была такою невинною и такою безучастною в политическом отношении, как это думали в последнее время: у ней питались надежды на основание в России нового скопческого царства; для этого она в течение столетия, по меньшей мере, приправляла денежные средства, которые возросли к настоящему времени до тех размеров, в каких они найдены в моршанских кладовых Плотицына; с целью ниспровержения нынешнего порядка дел в России и установления новой скопческой эры моршанские скопцы вступили в сношения с революционною польскою партиею и надеялись во имя Петра III произвести в России восстание. Многое и другое объясняется «моршанским открытием». Объясняется, например, прекращение многих скопческих процессов в наших административных и бывших судебных сферах, причем страдали лица, доносившие на них, потому что моршанские миллионы были близки к всемогуществу; объясняется, почему противоестественная секта не только не обнаруживает признаков упадка, а, на-против, существует и распространяется, почему на нее даже в эпоху гонений на раскольнические собственно секты наше законодательство смотрело вообще мягко и снисходительно, а администрация не преследовала особенно строго совершаемых скопческими вожаками новых случаев осколения, почему в настоящее время даже общественное мнение, даже его органы как-то холодно относились и относятся к самой безобразной и отвратительной секте, почему скопцы-торговцы богатели не по дням, а по часам, и «желтые» лица, только что

начавшие коммерцию, производили огромные обороты.

Но при всем том известия моршанского корреспондента так поразительны, так грандиозны, что мы все еще не решаемся верить им вполне и будем ждать подтверждений, чтобы сделать новые выводы и заключения. Во всяком случае, кажется, то несомненно, что дела темной секты будут теперь снова подвергнуты тщательному расследованию, и расследование это, производимое новым судебным порядком, вызовет наружу много тайн, касающихся деятельности богатейших московских, петербургских и сибирских скопцов, и что скопческий мир при этом известии вздрогнет сильнее, чем от самого страшного подземного удара.

1869 год.